

DOI 10.23683/2415-8852-2018-3-7-17

«ЛИМОНОВ ПРАВИЛЬНО ГОВОРIT: СССР – НАШ ДРЕВНИЙ РИМ»

Лев Данилкин – литературный критик, писатель, лауреат премии «Большая книга». Автор биографий Александра Проханова («Человек с яйцом. Жизнь и мнения Александра Проханова», 2007), Юрия Гагарина (серия «Жизнь замечательных людей», 2011), Владимира Ленина («Ленин: Пантократор солнечных пылинок», 2017).

В этом номере Р&I Лев Данилкин рассказывает о стилистическом диапазоне литератора В.И. Ленина, о том, как случилась утопия под названием «советский проект» и как на ее руинах выросло «бюрократически-капиталистическое государство, копирующее другое бюрократически-капиталистическое государство». Беседовала Екатерина Максимова.

Так как нельзя поговорить с Львом Данилкиным и не поддаться соблазну задать вопрос из серии «какую книгу советуете почитать», спрошу сразу: наш номер посвящен «утопии», что Ваш личный список предусматривает по этой теме?

Художественная литература больше занималась антиутопией, и вы сами знаете этот классический набор от Джорджа Оруэлла, Олдоса Хаксли и Евгения Замятина до Энтони Берджесса, Филипа Дика и Дэвида Митчелла. Все то, что заботливо предусмотрено университетским курсом истории литературы. Пожалуй, каждый исторический период общество производит определенный тип утопии или дистопии, и в каждом много любопытного. В самом начале XX века Александр Богданов пишет роман-утопию «Красная звезда», а в середине XX века появляется странный роман английского писателя Кингсли Эмиса, не знаю даже, утопия это или антиутопия, про то, как русские захватывают Англию. В результате там правит благородное российское офицерство, вроде описанного в «Войне и мире». Но я не читатель художественной литературы сегодня. Мне интереснее книги по истории, а в них любопытно то, при каких обстоятельствах общество само конструирует утопию и как работает этот механизм. Так что меня увле-

кают скорее книги по антропологии или социологии, скажем, «Благими намерениями государства» Джеймса Скотта.

Кстати, надо перечитать Кингсли Эмиса сегодня, обычно таким вещам полезно ретроспективное переосмысление. Так это и с советской детской литературой, которая сегодня для нас открывается с неожиданной стороны. В детстве книжка Лазаря Лагина про Старика Хоттабыча казалась мне, как и положено, легким приключенческим чтивом, а сейчас понятно, что это изощренная иллюстрация к эпохе. Советская детская литература – это тот еще бункер, где складировались самые серьезные смыслы, и утопические в том числе. Вы же знаете, что Лагин переписывал свою «советскую повесть-сказку» не один раз, чуть ли не к каждому съезду партии. Так что Хоттабычей много.

Знаю, что есть довольно любопытное сегодняшнее прочтение: Хоттабыч, брошенный в советскую действительность, – тот же Воланд, навестивший Москву.

Да, есть такая аналогия, которая в четырнадцать лет мне, как и любому другому нормальному человеку, не пришла бы в голову, а сейчас эта мысль мне тоже кажется вполне убедительной. А «Незнайка на Луне» Николая Носова – текст и вовсе уникальный. Как Носов, человек, который никуда не вы-

езжал и вряд ли знал иностранные языки, берет и пишет настоящее евангелие для тех, кто собирается жить в мире дикого капитализма? Как он смог увидеть мир, в который нашу страну окунули в 1990-е годы? Откуда он все это знал, да еще с такой точностью описал – от механизмов рекламы до устройства аппарата насилия или институтов искусства и культуры? То, что мое поколение, люди «выпуска» середины 1970-х, помешаны на исследовании советского прошлого и бесконечном переживании исторической травмы, совершенно понятно. Тебя воспитывали при одном строе, а когда тебе исполняется шестнадцать, оказывается, что жить надо в другом – где все перевернуто, все наоборот, как на Луне.

А сегодня что в Вас советского? Насколько советской была Ваша семья?

Обычная интеллигентская советская семья. Один мой прадед жил в Доме на набережной, работал в аппарате Кагановича и был расстрелян в 1937 году по обвинению в организации покушения на Сталина. Но при этом его сын, мой дед, был членом партии и к событиям 1989–1991 года относился скорее скептически. Скажем так, он с интересом читал «Детей Арбата», но партбилет не сжигал. Есть в моей родословной и крестьянские корни. Так что все рядом. Да, классическая советская пролетаризи-

рованная интеллигентская семья. Брошюра программы коммунистической партии на нашем столе не лежала, но в «Библиотеке приключений» были «Бронзовая птица» и «Кортик», по которым вполне можно было составить представление о доминирующей в обществе идеологии и искренне разделять ее идеалы. Кстати, читали мы бесконечно больше, чем сегодня, просто потому, что не было конкуренции видов досуга, интернета, кино в такой доступности – время и энергия уходили в книжки. Я читал все подряд – от «Как закалялась сталь» до Толкина, от Жюль Верна до лотмановских комментариев к «Евгению Онегину». Конечно, тогда все, что связано с памятниками Ленину, мавзолеем, портретом вождя на рубле, было слепым пятном, просто фоном, а не какими-то ценностями. И когда все эти ценности были демонстративно отменены в 1991 году, моментально включился механизм ностальгии.

Мне нравится лимоновская метафора «СССР – наш Древний Рим», она довольно точная. Как в Возрождение люди были очарованы античностью, стремились вернуть пропорции, да и сами представления о прекрасном, так сейчас мы относимся к Советскому Союзу. Свойство памяти – цепляться за хорошие воспоминания, вот и кажется Советский Союз такими невыносимо прекрасными руинами, которые хотелось бы воспроизвести если не в натуральную величину, то хотя бы на дачном участке в ка-

честве ландшафтного дизайна. При этом я лично никакой ностальгии по советскому проекту не испытываю. Здесь я энтомолог: да, экзотический жук – очень красивый и интересно устроенный, но у меня нет никакой причины отождествлять себя с ним, для меня это исключительно научный объект.

Тем не менее, Вы некоторым образом отвечаете за советский проект с тех пор, как вышел Ваш «Гагарин», а тем более бестселлер о Ленине. В кругу ленинского и окологенинского чтения, что нужно почитать, чтобы понять, как и почему этот проект «запустился»? Где Ленин оказывается «живее всех живых»?

Любой биограф Ленина, как бы широк ни был круг его чтения, в качестве основного источника все равно назовет воспоминания Крупской. И со мной так же. Не надо ждать от этой книги пронзительной исповедальности. Слова «Крупская» и «исповедальность» вообще плохо сочетаются: Надежда Константиновна преподавала в партийных школах искусство конспирации, грубо говоря, искусство утаивать правду. В этом смысле ее воспоминания – это тоже учебник по умолчанию и замалчиванию. Ожидать, что она расскажет, как подделывала документы Ленина или какова была природа отноше-

ний Ильича с Инессой Федоровной Арманд в Швейцарии в 1916 году, не стоит. И все же самое важное в этих описаниях именно отношения. Здесь вот что интересно. Большое искушение описать Ленина в духе высокого модернизма как человека-машину, претворяющего в жизнь уникальное научное знание – марксизм. Но все сложнее. Благодаря воспоминаниям Крупской мы понимаем, например, что Ленину была присуща ирония. Они оба прекрасно сознают абсурдность той или иной ситуации, участниками которой оказываются, и в состоянии посмеяться над ней и над собой. Все-таки это довольно много говорит о человеке. Анекдоты, которые вроде бы и не нужны в политической биографии Ленина, для меня как для биографа особенно ценны. Об особом чувстве юмора Ленина, который сгибался пополам, когда хохотал, писали многие. Что могло вызвать его смех? Да что угодно: от шуток рыбаков на Капри, тех самых, что называли его синьор Дринь-дринь и которым казалось уморительным, как он ловил рыбу с лески, накрученной на палец, до известной фразы «караул устал», которой матрос Железняк разогнал Учредительное собрание. Смех Ленина никогда не был жестоким смехом психопата.

Основная дискуссия по поводу «Пантократора» строится вокруг претензий со стороны историков:

Данилкин прикрывается фигурой рассказчика, передергивает факты, манипулирует сознанием читателя и заставляет полюбить Ленина, потому что сам к нему неравнодушен.

Я не ученый, я писатель. И мне как раз кажется, что в хорошей биографии есть нечто более ценное, чем количество «дистиллированной» правды о герое, и эту ценность способен выявить условный рассказчик, партнер героя. Мне интересны не точные фактические данные о персонаже, а создание своего рода связи, «электрической дуги», между персонажем и придуманным мной рассказчиком. Рассказчик похож на меня, но, разумеется, это не я. И да, его взгляд меняется. В первых главах он пронизан иронией и скепсисом в отношении своего героя, но затем, углубившись в биографическое расследование, рассказчик оказывается способен на гораздо более широкий спектр эмоций и оценок – от ненависти до симпатии и готовности понять. Да, в итоге он подпадает под обаяние своего героя, и эта эволюция рассказчика для меня не менее важна, чем история самого Ленина. Как автор я не «влюблен» в Ленина и не ненавижу. Мне интересен Ленин как феномен, интересно, как этот феномен работал, как Ленин умудрился удержаться у власти на протяжении многих лет, несмотря на гигантское количество людей, которые могли его убить, даже убить,

но не убили почему-то. Автор, в отличие от рассказчика, не влюбляется и не разочаровывается в герое, он изучает «физические свойства» объекта.

Насколько интересно сегодня «творческое» наследие Ленина, ждет ли оно своего «пристального прочтения»?

Большинство текстов Ленина (перечитав 55 томов полного собрания сочинений, я имею в виду весь «ленинский текст») написаны стремительно, фактически на коленке, и в литературном отношении это не шедевры. Даже какие-то классические тексты, перечитывая которые и сегодня можно получать определенный род удовольствия, – вроде «Что делать?», «Государство и революция» или «Империализм как высшая стадия капитализма» – написаны довольно коряво, тяжеловесно, сложно, скучновато, наполнены типично ленинскими метафорами типа «группы людей, бредущих над пропастью». Но есть ведь и несколько блестящих образцов, которые читаются практически как стихотворения в прозе: из «Памяти Герцена» не зря наизусть заучивали в советское время про «Страшно далеки они от народа...», из статьи «Лев Толстой как зеркало русской революции» не зазорно цитировать и сейчас. Интересен всплеск литературного таланта Ленина осенью 1918 года, когда он пишет

«Пролетарскую революцию» и «Ренегат Каутский». Но тут скорее сила его интеллекта, чем пера, способность предугадать, что там за ближайшим поворотом. Ленин предвидит и конструирует ситуацию так точно, что это дает тексту блеск, и стилистический в том числе. Но рыскать по собранию сочинений Ленина в поисках таких сокровищ – неблагодарное дело, потому что большая их часть не для взыскательного глаза, особенно журналистские или агитационные тексты и экономические выкладки, где он бубнит по десятому кругу одно и то же, чтобы это навсегда вошло в вашу голову.

Меня, кстати, пару лет назад попросили составить дайджест, книгу, в которой под одной обложкой был бы собран ленинский *minimum minimumum*. Я сделал такую книжку, она вышла в прошлом году, называется «Ленин. Ослиный мост». Это как раз выжимки из собрания сочинений Ленина, та часть ленинского текста, которая может быть интересна сегодня и позволит составить представление не только об интеллектуальном универсуме нашего героя, но и о его стилистическом диапазоне. Ленин не писатель, а литератор, как он сам себя и определял, в отличие от Троцкого, чьи речи и статьи можно читать просто для удовольствия, независимо от того, о чем он пишет. Легко представляю захватывающее дух описание утюга авторства Троцкого, а Ленин бы скорее написал нудноватый

текст о противоречиях между утюгом и столом и о том, чем эти противоречия чреватые, к чему приведет это опасное соседство через пару лет.

«Пантократор солнечных пылинок» – в этом названии, учитывая и «иконографический» слой, и перифраз типа «ловец человеков», и отсылку к Гегелю, и сингулятив, связывающий единицу с множеством-массой, есть слой иронии? Или это констатация факта сакрализации героя, регистр тотальной серьезности?

В позднее советское время Ленин воспринимался по сути как религиозная фигура. Наш коммунизм как шведский протестантизм, который в стране есть, но большинство ее жителей неверующие. Изучение биографии Ленина говорит о том, что он подготовил себя (возможно, даже вполне осознанно) к той славе, которая ждала его посмертно. Как бы ни отвратительно Ленину было видеть повсюду свои изображения-иконы и наблюдать процесс собственного превращения в нового мессию, он понимал, что его жизнь станет фундаментом будущей сакрализации, а марксизм обернется новой экзотической религией. И если внимательно следить за развитием событий, то у вас не будет ощущения противоречия между истуканом, который стоит на площади любого города, или муми-

ей из мавзолея и тем Лениным, который был, возможно, самым живым умом среди своих современников.

Много таких моментов в биографии Ленина, не будь которых, возможно, ничего бы и не было. Нечасто упоминают о том, что он год просидел в одиночной камере перед ссылкой в Шушенское в 1897 году. А ведь это ситуация превращения Эдмона Дантеса в графа Монте-Кристо, когда в талантливом юноше рождается гениальный аналитик. Еще один биографический сюжет, который я даже не включил в книжку, потому что он, скорее, годится для какого-то авантюрного фильма: в декабре 1907 года Ленин оказался во льдах между Финляндией и Швецией и едва не погиб. После пережитого в тот момент потрясения, думаю, революция перестала им восприниматься как событие исключительно умозрительное, она обрела вполне реальные, почти физические формы. Увы, конструкцию «Пантократора» этот сюжет ломал, и я его оставил для будущих книг. Вот вам новое подтверждение того возмутительного факта, что я не историк и могу делать с материалом все, что угодно. Еще один важный момент прозрения случился у Ленина в Цюрихе в начале 1917 года, когда он нашел ключ к Марксу и заново перечитал его через Гегеля. Ленин проник в самую суть тех связей, которые другим не видны, его марксизм вдруг обрел полноту смысла, а историческая действительность стала

прогнозируемой. Помните фильм «Особое мнение», когда Том Круз стоит к нам лицом перед экраном и на этом прозрачном экране выстраиваются линии-связи? Это Ленин в Цюрихе. Не знаю, с кем из наших современников можно сравнить его великий ум. Быть может, с сияющим умом Лимонова? Как парень с харьковской окраины мог написать такие гениальные стихи уже в 1950-е? Увы, ему не повезло с историческим моментом так, как Ленину.

В случае Лимонова разговор действительно приобретает некоторую гипотетичность, но с Лениным – иначе, почему все-таки у него «получилось»? Почему большевистский проект «выстрелил»? Какой сценарий был в голове Ленина?

Увлечение войной и идеями военного коммунизма – это то, что часто навязывают Ленину. Но нет, война мыслилась им только как временная мера, куда важнее были планы по увеличению производительности труда и распространению научного знания. Ленин был одержим концепциями тейлоризма, всей этой конвейерной эстетикой, идеей максимального использования человеческих возможностей. Для послевоенной разрушенной России это было крайне актуально. Вот классический исторический анекдот о Ленине: он шел по улице на свое выступ-

пление, увидел плакат с надписью «Царству рабочих и крестьян не будет конца» и возмутился. В его возмущенном требовании убрать этот бессмысленный лозунг ясная позиция. Диктатура пролетариата не является истинной целью революции, исторический смысл которой – общество, в котором нет социальных классов вообще, в обществе будущего не должно быть ни крестьян, ни рабочих, ни буржуазии. Не будет классов, не будет противоречий, а значит, не будет и войн, это будет общество мира и творчества. Человек будет свободен от того, что пока предписывает ему господствующий экономический строй, вот он и может быть сегодня слесарем, завтра писателем, послезавтра танцовщиком, а потом рыболовом. Думаю, примерно так и было в голове Ленина.

К концу жизни Ленина, когда он уже заболел и та ненависть, которая была связана с гражданской войной, сошла на нет, он превратился в объект какой-то странной экзальтированной народной любви. Уже в начале 1920-х стали обустривать красные уголки, превращая его в икону, а после 1924-го он окончательно превратился в Пантократора – спасителя, который с купола взирает на паству. Вы правильно спросили об иронии в названии, и на уровне повествователя само столкновение «пантократор-солнечных-пылинок» предполагает некоторый элемент абсурдности,

а значит, и иронию. Но, по сути, Ленин действительно занял это место Христа Пантократора в претерпевшем секуляризацию сознании советского человека.

Почему проект реализовался? Это действительно разговор на пару томов. Разумеется, важными факторами были Первая мировая война и то, что Россия была «оформлена» как империя, а значит, должна была пережить модернизацию. Проект реализовался в значительной степени благодаря интеллекту тех людей, которые им руководили, по крайней мере, на первой его стадии. Достаточно сказать, что многие члены большевистского ЦК между собой могли разговаривать по-латыни, и когда им досталась власть, они довольно неплохо справились с ситуацией хаоса. И, конечно, страсть к риску у самого Ленина можно назвать всепоглощающей. Рискнул же он все-таки в 1917 году и сел в этот поезд, хотя мог быть обвинен в немецком шпионаже. Да, интеллектуальная оснастка, смелость и удача – редко упоминаемые, но очень важные факторы в становлении советского проекта.

Плюс тотальный интерес к экспериментам. Советская власть поощряла разного рода изобретателей, от сумасшедших до гениальных, потому что она сама была лабораторией. Люди начала XX века, такие как Ленин или, скажем, Ле Корбюзье, были одержимы идеями спроектировать идеаль-

ный город или построить идеальное государство. Научное знание в этом контексте воспринималось как легитимация вмешательств в привычный ход вещей.

Тем удивительнее итоги советского эксперимента. По сути, мы живем сегодня в обществе победившей контрреволюции. Буржуазия фактически взяла верх. Несмотря на то, что де-юре Россия – наследница советского государства, да и памятники и улицы Ленина раскиданы по всей ее территории, мы наблюдаем, как нынешнее

бюрократически-капиталистическое государство копирует другое бюрократически-капиталистическое государство. Да что говорить, посмотрите лучше фильм «Власть» Адама Маккея, который, что симптоматично, был номинирован на нынешний «Оскар» в восьми категориях, а в итоге получил награду за «Лучший грим и прически». Он, конечно, о вице-президенте США Дике Чейни, но, боюсь, вы не удержитесь от параллелей с нынешним положением дел в нашей стране.

“LIMONOV IS RIGHT IN SAYING THAT THE USSR IS OUR ANCIENT ROME”

Lev Danilkin is a literary critic, writer, winner of the Big Book Prize. Author of the biography of Alexander Prokhanov (“Man with an egg”, 2007), Yuri Gagarin (series “Life of wonderful people”, 2011), and Vladimir Lenin (“Lenin: Pantokrator of solar dust”, 2017).

In this issue of P&I Lev Danilkin talks about Lenin’s genius mind, about how the utopia called “Soviet project” happened, and how the bureaucratic-capitalist state grew on its ruins. Interviewed by Ekaterina Maximova.

